

звания различных профессий и занятий: *дворник, лесник, пасечник, сказочник, писатель, учитель, фронтовик, шарманщик* (все эти реакции встретились по 1 разу). Таким образом, в русском языковом сознании нет устойчивой, стандартной ассоциации, которая бы характеризовала положение пожилого человека в обществе.

Неполная тождественность результатов, полученных при применении системно-языкового и когнитивного подходов, не создает, на наш взгляд, противоречия в трактовке содержания концептов. Напротив, несовпадение результатов, получаемых при использовании различных исследовательских методик, свидетельствует об объективной сложности изучаемого объекта, многообразные свойства которого только и могут быть установлены таким образом. Комплексный подход в исследовании концептов, с одной стороны, позволяет глубже и объектив-

нее определить содержание концепта, его устойчивые и вариативные компоненты, а с другой стороны, дает материал для сопоставительного анализа результатов, полученных в отношении одного и того же объекта при использовании различных методик.

В лексико-семантических, словообразовательных, фразеологических системах языков запечатлеваются ядерные, апробированные временем представления об окружающей действительности, тогда как в ассоциативно-дискурсивных реализациях – не только основные, но и сопутствующие, факультативные или новые знания об этих явлениях. Использование различных методик исследования дает возможность определить устойчивые и вариативные элементы в содержании концепта, изучаемого в различных аспектах: синхронном, диахронном или контрастивном.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. М.–Л., 1950–1965.
2. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Кн. 1–6. М., 1994–1998.
3. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.

В.Д. Черняк, А.В. Швец

«НАИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ» КАК ФРАГМЕНТ ЛЕКСИКОНА СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Исключительная роль языковой среды в формировании образованного члена общества объясняется ее воздействием и на интеллектуальную, и на эмоциональную сферу человека. «Первым герменевтическим принципом организации образовательного процесса является языковой. Язык – это структурообразующий элемент образования, интегрирующий многообразие форм, методов, дисциплин. Изучение языка, различные формы работы с языком <...> составляют основу образования, пронизывают всю его систему, все ступени и нормы вне зависимости от их частного предназначения, специализации и других особенностей. <...> Языковой стержень формирует терминологическую базу всех звеньев образования, играя доминирующую роль в становлении понятийной базы всех учебных дисциплин» [1, с. 13].

Сегодня в разных речевых сферах наблюдается заметное оскудение речи на лексическом уровне, снижение уровня культурной грамотности, что постепенно ведет к дегуманизации сознания. Резкое

сокращение круга чтения, экспансия экранной культуры требуют особого внимания к меняющейся лексической составляющей языковой личности.

Особый интерес представляет определение места терминологических единиц в лексиконе молодежи: несмотря на то, что по своей природе терминологические системы отличаются закрытостью и статичностью, одной из черт современной языковой ситуации является терминологическая экспансия. Термины различных наук сегодня активно используются в публицистических текстах и в повседневной речи рядового носителя языка, в частности, достаточно высокой частотностью обладают литературоведческие термины. Исследованные материалы журнала «Огонек» (2003–2006 гг.) свидетельствуют о функционировании в этом массовом издании более 150 литературоведческих терминов. Такие лексемы, как *роман, повесть, детектив, идиллия, юмор, сатира, ирония, сарказм, сказка, легенда, миф, сюжет, фабула, проза, лирика, метафора, гротеск, коллизия, образ, мотив, дра-*

ма, комедия, трагедия, трагифарс, эпос, эпопея, сага, сказ, особенно часто встречаются в журнальном дискурсе.

Интересен тот факт, что в ненаучном текстовом пространстве единицы науки о литературе часто выходят за рамки своего специального значения, понимаются в самом широком смысле, участвуют в создании языковой игры, выступают как инструмент и объект языковой рефлексии. Приведем в качестве примера статью молодого писателя Дениса Гуцко «Массовый классовый миф» (Огонек. 2006. № 16), посвященную среднему классу в России. Статья начинается с трансформированного прецедентного текста, прочно соотнесенного в обыденном сознании с жанром былины, и сразу представляет лексическую парадигму *сказание, миф, былина, сага, эпос*:

«Ой ты го́й еси, средний класс Руси!» Очень может статься, именно так и поведет свое *сказание* о среднем классе какой-нибудь чуткий к потребностям социума автор. И ведь пора, давно пора появиться этому *сказанию (былине, саге, эпосу)*. Литераторы явно запаздывают, так что классовые *мифы* взялись тачать социологи и журналисты.

Весь текст построен на столкновении бытового и литературоведческого значений слова *миф*.

Распространенные метаязыковые высказывания с использованием литературоведческих терминов в их специальном и неспециальном значении свидетельствуют о реальности существования «наивного литературоведения» как фрагмента лексикона.

Под «наивным литературоведением» мы понимаем значимый фрагмент лексикона языковой личности, представленный базовыми терминами литературоведения и отражающий знания о литературоведении, полученные в процессе школьного образования и общего культурного развития, а также в результате всего речевого опыта усредненной языковой личности. Понятие «наивное литературоведение» соотносится с другими, функционирующими в лингвистических исследованиях последних лет: «наивная геометрия», «наивная психология» (Ю.Д. Апресян), «наивная анатомия» (Е.В. Урысон), «наивная лингвистика» (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев). Принципиальное отличие «наивного литературоведения» от названных понятий заключается в том, что «наивная геометрия», «наивная психология», «наивная анатомия» формируются на основе обыденного опыта носителя языка, в частности на основе чувственного постижения окружающего мира, тогда как «наивное литературоведение» связано с категоризацией мира на основе вербального опыта и обязательно сопряжено с метаязыковой деятельностью человека.

Информацию о терминах литературоведения языковая личность получает не только из учебни-

ков по литературе, но и из окружающей речевой среды. В процессе развития личности в языковом сознании тесно переплетаются научные знания с наивными представлениями. Именно в результате синкретичности разных видов знания и формируется «наивное литературоведение» как особый фрагмент лексикона языковой личности, значимый для коммуникации. При этом «наивное литературоведение» не следует рассматривать как «примитивное литературоведение»: аккумулируя практические (жизненные) и теоретические (школьные) знания, «наивное литературоведение» хранит опирающееся на языковую реальность представление рядового носителя языка о единицах терминосистемы литературоведения.

Сложность и многогранность «наивного литературоведения» обусловлена, прежде всего, уникальной сущностью единиц науки о литературе: базовые элементы терминологической системы литературоведения принципиально отличаются от единиц многих других терминологических систем тем, что для них характерна отнесенность к общему полю «искусство»: в терминосистему литературоведения входит группа понятий, обращенная сразу к нескольким видам искусств (*эротеск, картина, юмор, образ, классицизм, реализм* и другие). Принадлежность к общему полю «искусство» определяет «пересечение классов» [2] при именовании понятий, относящихся к синкретичным видам искусства: вокальная музыка (объединяющая музыку и слово: *романс, частушка*), драматургия (обращенная одновременно и к театру, и к литературе: *драма, комедия, трагедия, трагикомедия*).

Отличительной чертой литературоведческих терминов является также их пересечение с терминологическими системами других гуманитарных наук (например, с лингвистикой: *варваризм, диалектизм, эвфемизм, метафора, метонимия*). Взаимопроникновение близких терминологических полей демонстрирует междисциплинарный характер современных гуманитарных знаний.

Междисциплинарный характер рассматриваемых единиц способствует их вхождению в общее употребление и определяет их принадлежность к общелитературной лексике (например, *роман, анекдот, поэма, комедия*). Становясь общеупотребительными, термины литературоведения выходят за пределы профессионального употребления и активно используются образованным носителем языка.

Специфический характер литературоведческих терминов обусловлен еще и тем, что литература изучается в рамках школьной программы гораздо глубже, чем все остальные виды искусства. Предполагается, что каждый выпускник, независимо от того, будет ли он дальше специально заниматься проблемами литературы, должен обладать неким

«литературоведческим минимумом», который позволит ему ориентироваться в пространстве современной культуры.

Таким образом, обладая рядом специфических черт, термины литературоведения занимают особое место в триаде «язык – культура – человек». Необходимо подчеркнуть, что понимание литературоведческих терминов как единиц науки о литературе является общим для европейской культуры. Однако термины литературоведения в контексте определенной культуры (например, русской) приобретают национальную специфику восприятия и «прочитываются» на основе тех кодов культуры, которые известны или могут быть известны носителю данного языка. Именно поэтому такие литературоведческие термины, как *книга, литература, писатель, поэт*, включаются в лексические минимумы русского языка в качестве слов, семантика которых отражает специфические черты отечественной культуры [3].

Сложность исследования лексикона языковой личности заключается в том, что он недоступен прямому наблюдению. Одним из основных методов его изучения является ассоциативный эксперимент, в ходе которого выявляются ассоциативно-вербальные сети. Уникальный материал для выявления «наивного литературоведения» содержит «Русский ассоциативный словарь»: эксплицируя язык в его предречевой готовности, это лексикографическое издание отражает ассоциативный потенциал базовых терминов литературоведения и, следовательно, фиксирует тот фрагмент лексикона, который обозначен нами как «наивное литературоведение». Анализ прямых и обратных словарей «Русского ассоциативного словаря», моделирующего вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя языка, позволяет не только воссоздать интересующий нас участок ассоциативно-вербальной сети, но и определить ядерно-периферийную структуру выявленного фрагмента лексикона.

Реконструированное на базе «Русского ассоциативного словаря» поле представлено 132 единицами и имеет следующую структуру (частотность каждого термина-ассоциата определена по количеству ассоциативных полей, где он выступал в качестве реакции):

книга 28; *роман* 22; *писатель* 20; *рассказ* 18; *произведение, стих* 13; *поэт, стихи* 12; *писать, повесть, поэзия* 10; *литература, поэма* 9; *проза, пьеса* 8; *театр* 7; *быль, текст* 6; *автор, анекдот, лирика, спектакль, стихотворение* 5; *герой, детектив, лирический, литературный, рифма, сказание, стиль, строка, художественный, ямб* 4; *глава, действие, комедия, легенда, лирик, новелла, небылица, прозаик, пролог, сатира, строфа, хорей* 3; *баллада, басня, белый, драматический, жанр, классика, класси-*

ческий, мемуары, миф, муза, повествование, роль, рукопись, сатирик, слог, строчка, фантастика 2; *акмеист, акт, амфибрахий, анапест, антиутопия, беллетристика, былина, вирши, гекзаметр, житие, заглавие, классицизм, комедийный, композиция, летопись, летописец, мелодрама, метр, модернизм, мотив, народное творчество, образ, ода, пародист, персонаж, пословица, поэтесса, предание, присказка, притча, публицистика, развязка, рассказчик, романс, романтизм, романтик, сатирический, сентиментальный, сказ, сонет, сочинитель, стихосложение, стихотворец, стихотворный, сюжет, творение, творец, творить, творчество, тема, устное народное творчество, утопия, фабула, фантаст, фантастический, филология, художник, частушка, часть, штиль, экспромт, эпический, эпитафия, эпос, эссе, юмор, юморист, явление, язык* 1.

Очевидно, что ядерный характер и сверхразветвленную систему ассоциативных связей имеют такие лексемы, как *рассказ, писатель, роман, книга*, что обусловлено их общеизвестностью и развитой многозначностью. 72 единицы выявленного поля (54 % от общего количества единиц) имеют частотность 1 и, являясь в подавляющем большинстве узкоспециальными терминами, находятся на периферии ассоциативно-вербальной сети.

Дальнейшее исследование материалов «Русского ассоциативного словаря» позволяет дать «наивному литературоведению» не только количественную, но и качественную характеристику, так как анализ выделенных ассоциативных полей показывает, какая информация актуализируется в языковом сознании при предъявлении испытуемым того или иного литературоведческого термина. Обратимся к примеру:

поэма: Пушкин 12; *Пушкина* 8; *стихи* 4; *длинная, Лермонтова, о любви* 3; *в прозе, в стихах, интересная, Лермонтов, лирическая, Мцыри, написана, стих* 2; *амфибрахий, без героя, большая, великолепная, высокая, глупая, Гоголя, Двенадцать, души, Евгений Онегин, ерунда, заслуж. внимания, Золотой петушок, книга, книжка стихов, Кому на Руси жить хорошо, Маяковский, Маяковского, не закончена, не люблю, не надо, не прошла, незаконченная, неизвестного, новелла, нудная, о вожде, о героях, о Ленине, о море, о судьбе, Онегин, писать, посвящение, поэт, превосходная, прекрасная, произведение, роман, Руслан и Людмила, сентиментальная, скука, скучно, современная, стихотворение, строфы, талант, хороша, Экстаза, Эол, эпическая, 12, 1; 103 + 66 + 2 + 52*

Очевидно, что в ассоциативном поле слова-стимула *поэма* отразились реакции на прямое, литера-

туроведческое значение данной лексемы, что свидетельствует об исключительной актуальности для современной языковой личности именно этого лексико-семантического варианта. Встречается лишь одно слово-реакция, которое относится к значению «музыкальное произведение» (*Экстаза*). Слова-реакции литературоведческого и нелитературоведческого характера разделились поровну. Наиболее частотные литературоведческие реакции, составляющие ассоциативное ядро слова-стимула, представляют собой конститутивные признаки данного понятия: *стихи, длинная, лирическая, эпическая*. Слово-стимул *поэма* способствовало активизации даже периферийных зон ассоциативно-вербальной сети, в результате чего в качестве единичных реакций выступают слова-термины, возможно, агномичные для среднего носителя языка: *амфибрахий, новелла, посвящение, сентиментальная, строфы, эпическая*. При этом четко выделяется группа лексем, образующая гиперо-гипонимические отношения со словом-стимулом: *произведение – поэма, новелла, роман*.

Обилие слов-реакций, отражающих синтагматические связи, подтверждает освоенность данного литературоведческого понятия. Вызывает интерес широко представленная в ассоциативном поле модель «поэма о ком-то/чем-то»: *о любви, о вожде, о героях, о Ленине, о море, о судьбе*. Данные реакции воссоздают хранящиеся в языковой памяти типы контекстов, а также отражают специфические черты национального самосознания: «Русский ассоциативный словарь» создавался в 90-е годы прошлого века, когда еще действовала сила устойчивых вербальных форм, идеологических стереотипов советской эпохи.

Особую группу среди слов-реакций составляют фамилии авторов, чьи поэмы стали лучшими образцами данного жанра (*Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Маяковский*), а также сами прецедентные феномены (*Руслан и Людмила, Мцыри, Кому на Руси жить хорошо, Двенадцать, Поэма без героя*). Появление таких слов-реакций было вызвано не только устойчивой синтагматической связью (ср.: *поэма М.Ю. Лермонтова «Мцыри»*): оно свидетельствует об их тесной связи в сознании языковой личности со словом-стимулом, об их включенности в фонд обязательных знаний и общеизвестности любому носителю данного языка.

Важно отметить, что подобный тип реакций свойствен анализируемому фрагменту лексикона: в ассоциативных полях, стимулированных словами, выражающими литературоведческие понятия, всегда выделяется сфера персоналий, образов, литературных и фольклорных персонажей, – элементы персоносферы русской культуры [4]. Так, например, в «Русском ассоциативном словаре» в качестве

реакций к слову-стимулу *поэт* выступают имена собственные *Пушкин, Лермонтов, Ахматова, Бернс, Бродский, Высоцкий, Державин, Евтушенко, Есенин, Пастернак, Северянин, Языков*, к слову-стимулу *рассказ* – *Горький, Толстой, Тургенев*, к слову-стимулу *сатира* – *Грибоедов, Ильф и Петров, Кантемир*.

Персоносфера и корпус прецедентных феноменов, сопряженные в языковом сознании с литературоведческими терминами, являются существенными элементами культурной грамотности, поскольку они представляют собой особый вид коллективных знаний, приобретаемых носителем языка в процессе культурного развития. Не случайно даже в «Словаре детских ассоциаций» [5] среди реакций к слову-стимулу *книга* представлены *Буратино, волк, заяц, медвежата, мороз, Незнайка, о зверятах, Робинзон Крузо, чиж*, отражающие культурный опыт ребенка.

Интересны ассоциативные поля, в которых в качестве слов-стимулов выступают многозначные слова или слова, имеющие в литературном языке омонимичную пару, так как количество реакций позволяет оценить реальную значимость для языковой личности отдельных лексико-семантических вариантов слова. Необходимо признать, что в подобных случаях ассоциации на терминологическое значение лексемы крайне скупы. Например, из 110 реакций, полученных на слово-стимул *сцена*, только 4 имеют литературоведческий характер (*из спектакля 2; в комедии, из пьесы 1*) и относятся к значению «часть действия в пьесе», а среди 113 ассоциаций на слово-стимул *мотив* лишь 6 (*басен, дороги, повести, судьба, тема, фабула*) обнаруживают связь со значением «проходящие через художественное произведение, творчество художника или через целое направление компоненты формы, элементы сюжета или темы». Таким образом, собственно терминологическое значение, по сравнению с другими лексико-семантическими вариантами многозначного слова или со значениями слов-омонимов, в лексиконе языковой личности занимает периферийное место.

Следует иметь в виду, что материалы «Русского ассоциативного словаря», создававшиеся с 1986 по 1997 гг., не отражают в полной мере те языковые изменения, которыми характеризуется последнее десятилетие и лексикон современника.

Для исследования фрагмента лексикона современной языковой личности, связанного с «наивным литературоведением», в течение 2003–2004 гг. нами была проведена серия ассоциативных экспериментов (свободный и направленный). Испытуемым – студентам первых курсов негуманитарных факультетов РГПУ им. А.И. Герцена – предъявлялся список из 26 слов-стимулов с просьбой указать возникшие ассоциации.

Свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить реальные ассоциативные поля, стимулированные терминами литературоведения, то есть эксплицировать «наивное литературоведение» как фрагмент лексикона языковой личности. Полученные результаты, как и материалы «Русского ассоциативного словаря», показали, что наиболее частотные реакции, формирующие ядерную часть ассоциативного поля, являются литературоведческими терминами. Так, ядро ассоциативного поля слова-стимула **аллегория** организуется посредством частотных реакций *сравнение, литература, иносказание*, а наиболее актуальными реакциями на слово-стимул **баллада** выступают *рассказ, сказка, сказ, легенда, сказание, повесть, песнь, стих, былина, сага, стихи, быль, миф, стихотворение*.

Очевидно, что основным видом отношений между единицами, формирующими «наивное литературоведение» как фрагмент лексикона языковой личности, являются гиперо-гипонимические. Однако, в отличие от энциклопедических, терминологических и толковых словарей, где словарное представление литературоведческих терминов характеризуется системностью, в лексиконе языковой личности родовидовые связи слов сложны и противоречивы. В результатах эксперимента отразились особенности языкового сознания среднего носителя языка, эксплицировались наиболее важные отношения между лексическими единицами, отличные от жестких логических связей в терминосистеме. Возможно, вследствие этого в «наивном литературоведении» как фрагменте лексикона гиперо-гипонимические отношения между единицами выступают как иерархия «типичных» и «нетипичных» представителей данного класса (например, миф: *легенда 21; сказка 18; сказание 3; былина, повесть, предание, притча, сказ 2*; ирония: *смех 17; насмешка 16; сарказм 8; юмор 7; анекдот 1*).

В полученных ассоциативных полях нашли отражение такие отмеченные выше специфические черты терминов литературоведения, как их междисциплинарный характер и включенность в общее поле «искусство». Например, среди реакций на слово-стимул **гротеск** выделяются *искусство 15; литература 6; архитектура 5; картина 3; графика, МХК, рисунок, рококо 1*. Наличие в ассоциативно-вербальной сети этих ассоциатов эксплицирует те сферы искусства, для которых данное понятие оказывается актуальным.

Ассоциативные связи между словами могут актуализироваться как по линии значения, так и по линии формы. Для ряда слов звуковые ассоциации явились определяющими: антитеза – *античный*; аллегория – *олигарх*; баллада – *балда, баловство*; идиллия – *идеология*; лейтмотив – *лейтенант*; метафора – *амфора, флора*; сонет – *сотовая связь*. Следует

отметить, что преобладание формальных реакций над семантическими – свидетельство возможной семантической неосвоенности слова-стимула.

Данные направленного эксперимента показывают, что термины литературоведения по-разному освоены языковой личностью. Ассоциативные поля таких лексических единиц, как *гипербола, ода, поэма, сатира, баллада*, демонстрируют адекватность их понимания. Однако реакции на ряд слов-стимулов (*фабула, перифраз, лейтмотив*) свидетельствуют о том, что для среднего носителя языка они являются агнонимами [6]. Так, ассоциаты на слово-стимул *перифраз* – пример неточного понимания значения слова или его полного незнания. Приблизительное знание проявилось в преобладающей у большинства испытуемых актуализации словообразовательного элемента:

перифраз: *перифразировать 5; переделка, перестановка 3; переименование, пересказ, перифразирование 2; неточный пересказ, передел в словах, переделанная мысль, переделать, переделка фраз, переименование, переименовать, перемена, переосмысление, пересказывание, перестановка слов, перифразирование, перифразированное предложение 1.*

При проведении ассоциативного эксперимента агнонимичность элементов поля «литературоведение» проявилась и в количестве отказов от ответа, связанных, скорее всего, с незнанием значения слова. Показательны лексемы с максимальным количеством отказов: *фабула – 80, перифраз – 73, лейтмотив – 63, элегия – 58, аллегория – 57, эпос – 51, сонет – 44, гротеск – 43, сага – 34, эпитет – 31, ритм, антитеза – 29, сказ – 28, эпонея – 27, олицетворение – 25.*

Ассоциативные поля слов-стимулов, хорошо знакомых испытуемым, в большинстве случаев формируются реакциями, отражающими основные специфические признаки литературоведческого термина. Так, в ассоциативном поле слова-стимула *гротеск* признаком, с помощью которого определялось понятие, выступила реакция *преувеличение*, которая сопровождалась прилагательными, эксплицирующими высшую степень проявления признака:

гротеск: *сильное преувеличение 5; преувеличение 3; абсурдное преувеличение, очень сильное преувеличение 2; высшая степень преувеличения, максимальное преувеличение, намеренное преувеличение недостатков, предельное преувеличение, преувеличение в высшей степени, преувеличение в ироничном масштабе, преувеличение до фантастических размеров, преувеличение (сильное), фантастическое преувеличение 1.*

Следует подчеркнуть, что агнонимы в лексиконе личности, лакуны в тезаурусе, несоотнесенность коллективной и индивидуальной персоносфер, свидетельствующие о разрастании области непознанного, являются причиной коммуникативных неудач в процессе общения и имеют самые глубокие негативные последствия для ориентации личности в культурном пространстве. В то же время адекватное понимание единиц науки о литературе и активное оперирование ими способствуют свободе речевого поведения языковой личности.

Таким образом, исследование лексикона усредненной языковой личности свидетельствует о реальном существовании в словарном запасе носителя языка участка ассоциативно-вербальной сети,

эксплицирующего преломленные сквозь призму речевого опыта знания о единицах литературоведения. Выявленная область «наивного литературоведения» свидетельствует, что в языковом сознании с терминами литературоведения сопряжена зона персоносферы: в ассоциативно-вербальной сети, отражающей обыденные представления о терминах литературоведения, всегда представлены имена известных литературных деятелей, названия и герои произведений искусства. Богатство фрагмента лексикона, связанного со знанием литературы и со знаниями о литературе, – яркое свидетельство высокого уровня речевой компетенции личности, ее интеллектуального багажа и коммуникативных возможностей.

Литература

1. Сулима И. Принципы организации образовательного процесса (герменевтический опыт) // Альма матер. 1999. № 1.
2. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. №1.
3. Морковкин В.В., Курочкина И.М. О страноведческом потенциале лексического ядра современного русского языка // Словари и лингвострановедение. М., 1982.
4. Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1.
5. Берсенева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.
6. Морковкин В.В., Морковкина В.А. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

Л.Г. Золотых

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОСТИЛЯ

Астраханский государственный университет

Выделение художественного концепта в русле когнитивной текстологии – нового и перспективного подхода к исследованию текста – обусловлено спецификой художественного текста как лингвистического объекта. В художественном тексте воплощается восприятие автором картины мира, осуществляется ее творческая интерпретация языковыми средствами языка (подробнее см. исследования М.В. Антроповой, Т.А. Голиковой, М.Л. Левченко, А.В. Маняхина, Д.М. Поцепни, О.Н. Чарыковой). Однако мастерство художника слова проявляется не только в умении создать текст как стройную, гармонически организованную систему. Для исследователя художественного текста и читателя как адресата является очевидным факт реального существования художественного текста только в процессе его восприятия. Мысль читающего, как было отмечено еще В. Гумбольдтом и Л.С. Выготским, движется от отдельных слов к общему текстовому смыслу, поэтому автору в процессе создания художественного текста необходимо обеспечить возможности его эф-

фективного функционирования как особой формы коммуникации. «Интуитивная ориентация на адресата, – пишет Н.С. Болотнова, – пронизывает всю структуру художественного произведения, прямо или косвенно проявляясь в отборе речевых средств, характере их организации, в принципах текстообразования, различных нормах, правилах, регулирующих общение с читателем [1, с. 17].

Следовательно, коммуникативная функция текста (способность текста сообщать определенную информацию) и процесс понимания читателем концептуально структурированной информации обеспечивает приток информации в авторскую систему смысла, существование которой в культурной и языковой среде определяется способностью концептуальных структур как ее элементов к самоорганизации. Концептуальная структура художественного текста – это совокупность художественных концептов разных типов, «закодированных вербально в тексте» и фокусирующих «системно-структурные связи различных элементов текстовой системы» [2, с. 309, 311].